
ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы дела, опубликованные в статье Э.Д. Днепров, несомненно, представляют сегодня большой интерес. Не всегда и не все эмоциональные и идеологические оценки автора редакция разделяет. Однако мы признаем, что автор имеет право на собственную трактовку фактов, продиктованную его богатым практическим опытом.

Э.Д. Днепров

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2008 г.

КРИЗИС ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX в. (по материалам Особого совещания по делам дворянского сословия¹)

В 1894 г. Александр III почил в бозе, оставив страну в ситуации нарастающего кризиса. Все попытки «подморозить» Россию, совершив глубокий прорыв к старым дореформенным порядкам, укрепить самодержавие и его социальную опору — дворянство — оказались тщетными. Власть действовала все более непоследовательно, преследуя две взаимоисключающие цели: стремясь и обеспечить промышленное развитие страны, и законсервировать важнейшие пережитки крепостничества. Это основное противоречие российской действительности особенно отчетливо обнаружилось, выступило на первый план в период небывалого промышленного подъема, начавшегося в 1895 г. Вызванные им резкие социально-экономические перемены подмывали остатки крепостничества, составлявшего опору самодержавия.

¹ См. [8; 7].



Между тем Николай II не считал положение кризисным. В новое царствование власть вступила со скудным идейным багажом, к тому же не имея сколько-нибудь определенной программы действий. Более того, власть не смогла ни осознать, ни усвоить главных уроков предшествовавшей тринадцатилетней воинствующей дворянской реакции: ни одна из ее целей не была достигнута, она сумела приглушить недовольство существующими порядками, но, не давая ему разрядки, накапливала и расширяла его.

Отсюда знаменитая фраза Николая II о «бессмысленных мечтаниях» по поводу конституционных начинаний и либерализации правительственного курса, жесткие заявления о намерении продолжить курс отца. Как справедливо отмечал исследователь дворянской политики самодержавия Ю.Б. Соловьев, «преемственность обоих царствований едва ли не быстрее всего сказалась и в том, какое место занял в правительственной политике дворянский вопрос, и в самом подходе к его решению... Царизм до самого конца не сознавал гибельность положения — ни своего, ни дворянства — и не оставлял попыток восстановить силы своей социальной опоры» [10. С. 198].

Уже в самом начале нового царствования предпринимались усилия возродить дворянство, но не на капиталистических основаниях — как современный класс земельных собственников, а все на тех же неизжитых остатках крепостничества. Этот вопрос выдвинулся во внутренней политике власти на первый план.

В начале февраля 1896 г. министр внутренних дел И.А. Горемыкин с санкции Николая II созвал в Петербурге совещание губернских представителей дворянства для обсуждения дворянского вопроса, оно продолжало свою работу до середины марта. В этом совещании реакция увидела событие чрезвычайной важности — ничего подобного не было с 1861 г. Совещание было явным признаком готовности власти сделать для дворян все возможное. Это подтвердил и сам Николай II, который в день коронации 17 мая 1896 г. обратился к «первейшему сословию» со словами, что ему известно «трудное время, переживаемое дворянством», и что нужды его не будут забыты.

Однако дальнейший ход событий отчетливо выявил неоднородность и самого дворянства, и его ожиданий. Для наиболее реакционной его части это обсуждение было поводом провести атаку по всему фронту на совершавшиеся в России буржуазные преобразования, в которых эта категория дворян видела главную причину всех своих бед. Многочисленные дворянские собрания, прошедшие в 1896–1897 гг., провозглашали все социально-экономические преобразования после 1861 г. ошибочными, губительными для дворянства и требовали возвращения к порядкам, существовавшим при крепостничестве.

Вместе с тем далеко не все дворяне сплотились под лозунгом крепостнической реставрации. Те, кто смог приспособиться к буржуазной эволюции страны, составили открытую оппозицию столь

бурно проявившемуся движению вспять. Тульское дворянство, к примеру, заявило, что положение его вовсе не безысходно и оно не нуждается в подачках со стороны власти, что вызвало гневную отповедь «князя охранительства» В.П. Мещерского, обвинившего тульское дворянство в своей газете «Гражданин» в измене дворянскому делу [2]. Между тем заявление тульского дворянства было широко поддержано земской дворянской оппозицией, в частности той ее частью, которая группировалась вокруг центра земского дворянского движения — кружка «Беседа», из которого позже вышли многие известные деятели политических партий.

Эти споры между разными группировками позволили министру финансов С.Ю. Витте дать разгромный ответ на поданную Николаю II записку губернских предводителей дворянства. Витте не оставил камня на камне от их доводов по поводу якобы антидворянского курса правительства после реформы 1861 г. и убедительно доказал, что рассуждения предводителей являют собой настоящую энциклопедию невежества, плод незнания и непонимания основных тенденций социально-экономического развития России. «Помещикам коренных русских губерний, — подводил итог Витте, — предоставлены были все возможные средства остаться экономически сильным сословием». Его вывод был крайне жестким: дворянство может пенять лишь само на себя, других виновных в его затруднениях не существует. Оно просто не выдержало конкуренции. Оно жило по-старому, а жизнь шла по-новому¹. По поводу этой полемики Витте с реакционным дворянством известный публицист А.С. Суворин записал в своем дневнике: «Дворянство считает Россию земледельческим государством вопреки Витте, который считает ее государством промышленным» [3. С. 136].

Таким образом, Витте категорически отверг позицию реакционного дворянства — и вовсе не по причине какой-то особой враждебности к нему. Витте констатировал, что оно ставило правительство перед острой дилеммой: или пойти навстречу всем его требованиям и тогда разрушить до основания и экономику страны, и всякий порядок, или лишь частично поддержать дворянство, хотя бы во имя самосохранения самой власти, и тогда отклонить неисполнимые помещичьи притязания. Они, как показывал Витте, были несовместимы с нормальным экономическим развитием страны. Жить при капитализме и действовать вопреки ему, считал он, абсолютно невозможно.

Записка предводителей дворянства и жесткая отповедь Витте имели серьезные последствия. Они стали первым шагом к созданию Особого совещания по делам дворянского сословия, которое было учреждено рескриптом Николая II на имя председателя Комитета министров И.Н. Дурново 13 апреля 1897 г.

Создание Особого совещания означало выдвижение на первый план и настоятельную необходимость решения центральной проб-

¹ Замечания министра финансов С.Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения — см. [1. С. 128–132].



лемы: идти ли путем консервации и укрепления мертвящих остатков крепостничества, как это делалось при Александре III, продолжая причудливо сочетать их с одновременным поощрением отечественной промышленности, либо освободиться от пут крепостничества и сделать решительный шаг в сторону модернизации страны. Сделать этот шаг самодержавие так и не сумело.

В нашу задачу не входит рассмотрение всех проблем и перипетий деятельности Особого совещания по делам дворянства, детально исследованной Ю.Б. Соловьевым [10]. Совещание приняло еще одну неудачную попытку развернуть вспять социально-экономическое развитие страны. Нас интересует лишь один из вопросов, поставленный на повестку дня Совещания и не получивший освещения в литературе, а именно вопрос о воспитании дворянского юношества. Он был признан «самым первым вопросом по своей важности», который «имеет решающее значение в судьбах дворянства» [8. Л. 12, 113]. Как подчеркивал участник Совещания граф С.Д. Шереметев, «при всей важности материальной стороны вопроса заботы об оной... не должны быть поставлены во главу угла, а должны уступить вопросам, касающимся духовной и политической жизни дворянства, как более существенным и возвышенным» [9. Л. 25 об.].

Собственно названный нами вопрос стоял в первом пункте повестки дня Особого совещания в таком ряду: «I. Организация и права дворянского сословия. Служба дворян. Воспитание дворянского юношества». Казалось бы, вопрос был поставлен достаточно широко, с претензией на его государственное осмысление. Однако в конкретном раскрытии — в подпункте 4 повестки дня — он выглядел весьма приземленно: «Увеличение на местах числа мужских и женских учебных заведений и облегчение доступа в оные детям дворян. Образование для дворянского юношества любых учебно-воспитательных общих и специальных учреждений, пансионов и интернатов при существующих учебных заведениях, а равно стипендий для детей недостаточных дворян» [8. Л. 1–1 об.]. Уже эта формулировка, выдержанная в мелкочиновничьем, а не в государственном духе, свидетельствовала о тщедушии образовательной мысли правительства и его микроскопических замыслах в деле воспитания дворянского юношества.

Надо отдать должное: участники Совещания посмотрели на этот вопрос много шире и поставили его значительно более масштабно, чем организаторы. По иронии истории обсуждение этого вопроса стало обвинительным **приговором существующей системе образования и образовательной политике власти.**

Уже в «Соображениях, высказанных совещанием губернских предводителей дворянства, о нуждах дворянского землевладения по вопросам 1) о распространении и удешевлении как общего, так и сельскохозяйственного образования и 2) об обеспечении возможности дать образование детям дворян», датированных 1897 г., в первой же фразе, говорившей о нуждах дворянства, был сделан

однозначный вывод: **«Среди общих нужд на первое место выступает самая настоятельная нужда в образовании»**. Вопрос о правильном направлении воспитания и образования юношества является делом чисто государственным и настолько важным, что правительство несомненно должно его поддержать». Однако «несмотря на крайнюю важность вопроса о народном образовании, на него в ряду государственных забот и расходов уделяются сравнительно ничтожные средства, и в государственной росписи бюджет народного образования занимает одно из последних мест».

Между тем, подчеркивалось в документе, «только поддерживая в своей среде высший уровень просвещения, дворянское сословие может сохранить для своего потомства то первенствующее положение, которое оно унаследовало от предков» [4. Л. 1, 3 об.].

Эти же мотивы прозвучали и в отзывах дворянских собраний 1886–1888 гг. Рязанское дворянство прямо заявляло: «Вопрос о способах воспитания и образования дворянского юношества — **самый важный, самый существенный для дворянства вопрос**» [8. Л. 322]. Почти дословно повторяя ту же мысль, в Екатеринославле констатировали: «Не подлежит сомнению, что дворянство не сохранит своего первенствующего места в государстве, если оно перестанет быть и по воспитанию, и по образованию высшим в стране сословием» [Там же. Л. 79]. Или, как говорило на ту же тему московское дворянство, «высшим сословием Империи» [Там же. Л. 131].

Новгородский губернский предводитель дворянства князь Васильчиков вносил в эту систему мотиваций и охранительные соображения. «Вопрос о правильной постановке воспитания дворянского юношества, — писал он, — можно смело признать **наиболее назревшей нуждой сословия**. В современном поколении глубоко внедрилось сознание, что только при помощи образования и соответствующего воспитания сословие может сохранить за собою занимаемое в государстве положение, продолжить свою культурную миссию и быть оплотом против сокрушающего влияния демократии» [Там же. Л. 141].

Многие дворянские собрания в связи с этим требовали бесплатного обучения детей дворян в учебных заведениях. Так, калужское дворянское собрание «остановилось на мысли, что **самый первый вопрос по своей важности есть вопрос о воспитании дворянских детей**... Ввиду сего собрание постановило ходатайствовать, чтобы дети дворян во всех правительственных низших, средних и высших учебных заведениях, мужских и женских, воспитывались на казенный счет и принимались предпочтительно перед детьми других сословий» [Там же. Л. 113].

Забегая вперед, отметим, что в ходе заседаний Особого совещания в 1898 г. также возникал этот вопрос. В качестве его мотивировки выдвигались соображения, что дворянство в виде земских сборов дает немалые средства на образование крестьян, а «с другой стороны, не имеет средства предоставить надлежащее образование своим собственным детям и просит ему в этом во-



просе помочь. Если бы эти деньги за все время существования земства, т.е. за 34 года, оставались бы в распоряжении дворянства, то оно совсем не нуждалось бы в средствах на образование своих детей» [7. Л. 162].

Такие доводы резко критиковались на Особом совещании как свидетельство полного непонимания сути земского хозяйствования и земских сборов. Кроме того, как заявил на Совещании статс-секретарь А.Н. Куломзин, «мы не можем и не должны устранять дворянство от несения общей земской тяготы, так как этим самым мы лишили бы его того преобладающего значения, которое оно имеет в своей местности». С другой стороны, отмечал Куломзин, трудно «отрицать ту огромную степень пользы, которую приносят народные школы: ведь дворянин-землевладелец сам крайне заинтересован в том, чтобы окружающее население было извлечено из невежества и по возможности образовано» [Там же. Л. 163]. В этом, по мнению Куломзина, залог крестьянского благосостояния, с которым тесно связано и благосостояние дворянства.

Куломзина поддержал и предводитель рязанского дворянства Л.М. Муромцев, который заявил на Совещании: «Те местности, где просвещение сильно, стоят на высокой степени экономического благосостояния, наоборот, там, где средств к образованию мало, мы видим нужду и бедствия» [8. Л. 409].

Возвращаясь к рассмотрению отзывов дворянских собраний, предшествовавших Особому совещанию и сопровождавших его в течение всей работы, отметим, что многие отзывы обосновывали важность вопроса о воспитании дворянского юношества здоровыми экономическими и социокультурными соображениями: «Материальная обеспеченность дворян, безбедное их существование также почти всецело зависят от их образования, так как всякий образованный и должным образом воспитанный человек всегда найдет себе подходящее занятие, труд, который даст ему нужные средства к жизни, но при этом дворянам необходимо приобретать самые разнообразные знания, чтобы они могли работать на всех поприщах частной и общественной деятельности, всюду, где требуется культурная работа, так как большинство земельного дворянства при теперешних условиях не может существовать доходами со своих имений. Следует еще заметить, что и для поправления большей части пришедших в расстройство дворянских хозяйств необходимо также образование молодого поколения, так как оно обеспечивает продуктивность труда, а труд в настоящее время — почти единственное средство, которым дворяне могут побороть свои нынешние материальные затруднения» [Там же].

В отзывах губернских дворянских собраний существующая система образования подверглась жесточайшей критике. И в первую очередь — за ее отрыв от потребностей жизни. В цитированных выше «Соображениях губернских предводителей...» заявлялось: «Жалобы на постановку дела народного образования раздаются по всей Империи, но Министерство народного просвещения

мало, по-видимому, озабочено этими сетованиями и не проявляет никакой энергии, дабы пойти навстречу ходатайствам страны и откликнуться на отзывы о печальном положении образования» [8. Л. 3 об.].

«Самым большим местом» в системе образования дворянские собрания считали среднюю школу [Там же. Л. 380 об.]. При ее преобразовании, отмечало рязанское дворянство, «первое место должно занимать **уничтожение древних языков**, о чем неоднократно, хотя и безуспешно, ходатайствовали многие дворянские собрания» [Там же. Л. 252]. Это требование отмены древних языков красной нитью проходило почти через все отзывы дворянских собраний. Орловское дворянство желало «исключения из программы гимназий древних языков» [Там же. Л. 191 об.]. Казанское дворянство указывало, что древние языки «занимают в гимназиях более половины учебного времени», в силу чего «дети кончают курс гимназий, не имея основательных сведений по русскому языку, отечествоведению, иностранным языкам и естественным наукам. Вот причина, по которой получается небольшой процент учащихся, достигающих до аттестата зрелости» [Там же. Л. 87], причина значительного отсева их из школы. «Так, в Московском учебном округе, — говорилось в отзыве Черниговского дворянского собрания, — из учеников, поступивших в гимназии в 1879 г., окончили курс в 1887 г. 31%, а из поступивших в 1880 г. окончили курс в 1888 г. только 29%». «В Черниговской гимназии за 1879–1882 гг. получили аттестаты зрелости 31%, выбыли из гимназии до окончания курса 68,4%, из них 57% выбыли за малоуспешностью» [Там же. Л. 377]. «Уже этого одного, — отмечали дворянские собрания, — достаточно, чтобы **признать постановку учебного дела совершенно неудовлетворительною и требующей немедленной и серьезного внимания**» [Там же. Л. 87 об.].

Указывая, «что 25-летний опыт применения гимназического устава не дал удовлетворительных результатов, что число лиц, получающих аттестат зрелости, оказывается весьма ограниченным, а следовательно, для огромного большинства детей поместного дворянства... высшее образование является несбыточной мечтой», смоленское дворянство ходатайствовало «о том, чтобы повелено было назначить комиссию для рассмотрения ныне действующей системы учебных заведений и для пересмотра и приведения в большое соответствие с требованиями современной педагогики учебных планов гимназий Министерства просвещения» [Там же. Л. 322 об.].

Со своей стороны дворянство высказывало много довольно дельных предложений по реорганизации системы образования. «В сфере среднего образования, — отмечало Тамбовское дворянское собрание, — наиболее общим распространенным желанием является **единая средняя школа**, которая открывала бы окончившим в ней курс доступ в высшие учебные заведения независимо от их специальности и вместе с тем давала бы своим питомцам законченное среднее образование» [Там же. Л. 379].



Поддерживая это предложение (сохраняющее свою актуальность и поныне) и считая, что «целесообразно уничтожить настоящее деление школы на классическую и реальную и создать единую школу... с законченным и менее продолжительным, чем теперь, курсом, которым часть юношества могла бы заканчивать свое образование», черниговское дворянство полагало, что после такой «основной школы» (характерно даже это современное звучание терминологии) следовало бы провести бифуркацию для поступления в высшие учебные заведения разного профиля [8. Л. 379] (говоря современным языком, ввести профильное образование).

При этом, подчеркивали многие дворянские собрания, необходимо удовлетворить «настоятельную потребность в открытии в каждой губернии сельскохозяйственных и специальных учебных заведений с законченным курсом, откуда был бы доступ в высшие учебные заведения» [Там же. Л. 252]. Высшие же сельскохозяйственные институты, отмечало московское дворянство, должны быть созданы «по возможности во всех сельскохозяйственных районах России» [Там же. Л. 132].

В значительном числе отзывов дворянских собраний подчеркивалось, что с особенно большими трудностями сопряжено получение образования для детей обедневших мелкопоместных дворян. «Большинство мелких землевладельцев, — указывалось в отзыве пензенских дворян, — не имеет возможности и стремления давать своим детям какое-либо среднее образование» [Там же. Л. 200 об.]. Но даже если такое стремление есть, «можно с полной достоверностью сказать, что причиной тяжелой задолженности весьма многих семейств является необходимость переезда в город для воспитания детей и что период школьного возраста детей есть начало материальных затруднений, подрывающих благосостояние весьма многих» [Там же. Л. 216].

При этом московское дворянство отмечало, что далеко не все родители «в состоянии дать удовлетворительную подготовку к гимназии своим детям путем правильного домашнего обучения, а поэтому нельзя не упомянуть о желательности восстановления приготовительных классов при средних учебных заведениях или же учреждения таких классов при пансионах-приютах» [Там же. Л. 133].

Эти классы были в 1887 г. закрыты Министерством народного просвещения с целью ограничить доступ в гимназии «низших сословий». Но как это часто бывало в практике образовательного ведомства, его охранительные удары били «одним концом по барину, другим — по мужику».

Не обошли вниманием дворянские собрания и «холодный формализм и бюрократизм... нашей средней школы», которые «вселили в обществе и в родителях недоверие к школе, страх перед ее руководителями: семья и школа являются двумя враждебными лагерями, вместо того чтобы быть тесными союзниками в деле образования и воспитания детей», — указывало черниговское дворян-

ство [8. Л. 372]. «Формализм, мертвящий нашу школу» [Там же. Л. 379 об.], «отсутствие воспитания, чисто механическое и рутинное отношение к делу, нередко плохое знакомство с предметом и педагогическим делом, — отметили владимирские и тамбовские дворяне, — а иногда даже с русским языком — вот черты, имеющие место среди наших педагогов. И здесь, может быть, корень зла лежит в крайней скудости средств нашей школы, в тяжелой обстановке преподавательской деятельности и ее недостаточном вознаграждении, что отталкивает от нее лучшие силы» [5. Л. 2 об. — 3].

Черниговское дворянство, еще более резко отзываясь о крайне низком профессиональном уровне школьных учителей, указывало на причины этого явления: «Педагогический персонал страдает полной неподготовленностью для выполнения трудной своей задачи. Приобретение специальных научных знаний в университете для учителя недостаточно. Чтобы быть учителем, нужна специальная педагогическая подготовка, а наши учителя ее не получают» [8. Л. 378].

В связи с неудовлетворительной организацией учебно-воспитательного процесса в школе ставропольское, воронежское, сармское дворянство требовали расширить их права по влиянию на учебную и воспитательную работу школы, не ограничиваясь лишь хозяйственными вопросами [5. Л. 12].

И еще одно требование, высказанное дворянскими собраниями, представляло несомненный интерес. В связи с недостаточным числом правительственных учебных заведений, не способным обеспечить доступность образования, во многих дворянских отзывах подчеркивалась необходимость открытия частных средних и высших, особенно специальных, учебных заведений [Там же. Л. 14, 410 и др.].

Общий итоговый вывод из обсуждения образования — не только дворянского юношества, но образования в целом — может быть сформулирован словами из отзывов Смоленского и Тамбовского дворянских собраний. «Итак, потребности поместного дворянства в образовании детей, — указывалось в смоленском отзыве, — далеко не удовлетворяются существующими учебными заведениями. Увеличение числа их, изменение программ, создание типа единой средней школы, понижение платы за ученье, доступность школы, устройство пансионатов при открытых учебных заведениях — необходимы» [8. Л. 323 об.].

«Не создание особых сословных школ с пониженными требованиями и сокращенными программами, — подчеркивало тамбовское дворянство, — а широкий доступ в среднюю и высшую школу, увеличение числа средних и высших, в особенности специальных, учебных заведений, удешевление образования и более правильная его постановка в соответствии действительным нуждам и потребностям страны — вот меры, которые всего более должны способствовать поднятию уровня образования в государстве и вместе



прийти на помощь дворянскому сословию в его просветительном служении и его стремлении к образованию своих детей» [8. Л. 343 об. — 344].

Такова была картина школьной действительности (мало отличающаяся от современной). Таковы были отзывы дворянских собраний и предводителей дворянства, высказанные в преддверии открытия Особого совещания по делам дворянского сословия. Артиллерийская подготовка была завершена. Теперь разворачивались основные маневры.

Первые слушания вопроса об образовании дворянского юношества состоялись 16 мая 1898 г., т.е. через год после открытия (10 мая 1897 г.) Особого совещания. Этот факт красноречиво свидетельствовал о том, какое место власть отводила данному вопросу. В целом он рассматривался на шести заседаниях Особого совещания. Первые три — 16, 23 и 30 мая 1898 г. — были посвящены названным выше общим проблемам. Четвертое и пятое — 6 июня 1898 г. и 6 марта 1899 г. — вопросам военных учебных заведений и сословности в армии. Последнее — 5 февраля 1900 г. — вопросу образования и воспитания дочерей дворян.

Обсуждая проблемы образования, Особое совещание вышло далеко за пределы поставленных перед ним вопросов. Уже в первом протоколе Совещания отмечалось: «Любое совещание по делам дворянского сословия, приступив к рассмотрению IV пункта Высочайше утвержденной программы его занятий, касающихся способов воспитания и образования дворянского юношества, нашло, что *вопрос этот невозможно рассматривать вне связи с общей постановкой учебного у нас дела, недостатками его и средствами устранения этих недостатков*. Вместе с тем считая, что оно не призвано не только разрешать, но даже разрабатывать предположения по сим предметам, Совещание полагало ограничиться... указанием означенных выше недостатков и выражением пожеланий о способах их исправления» [7. Л. 168].

Естественно, что и это Совещание, как и отзывы дворянских собраний, в первую очередь обратило внимание, говоря словами владимирского губернского предводителя дворянства М.М. Леонтьева, «на крайне неудовлетворительную постановку среднего образования и на даваемые им печальные результаты» [Там же. Л. 181].

Наиболее обстоятельную и жесткую критику состояния среднего образования дал саратовский губернский предводитель дворянства П.А. Кривский. Поскольку он вскрыл почти все корневые пороки этого звена системы образования, на его выступлении следует остановиться подробнее.

По убеждению Кривского, главный недостаток существовавшего в тот период среднего образования заключался в том, что «оно не отвечает различным требованиям на образование разных классов общества. Оно prepares юношей только к высшему специальному образованию и к государственной службе. Между тем по крайней мере двум третям, а вероятно более, — детям

неимущих родителей — нужно такое учение, которое выучило бы их зарабатывать себе кусок хлеба, дабы самим существовать и прокармливать свои семьи. Если бы рядом с гимназиями были ремесленные, технические и частью профессиональные школы, то две трети гимназистов направились бы в них. Гимназии освободились бы. В них остались бы только те, которые желают посвятить себя государственной службе или науке. Гимназии перестали бы производить интеллигентный пролетариат или нищих во фраках» [7. Л. 161].

Проще всего было бы увидеть в этом высказывании П.А. Кривского сословную агрессию а la Катков или Делянов. Конечно, такой мотив мог присутствовать. Но, по существу, Кривский вскрыл два главных порока действовавшей тогда системы образования. Первый — нацеленность средней школы только на вуз (от этого порока мы не избавились и сегодня). И второй — крайне убогое состояние в то время профессионального образования, что выглядело парадоксом на фоне бурного экономического развития страны.

Не менее важный недостаток, по мнению Кривского, состоял в том, что «слишком долго держат молодых людей на школьных скамейках», что «не соответствует природе человеческой». «По исчислениям профессора Тархова, — говорил Кривский, — среднее долговечие в России равняется 42 годам. Школьное же обучение занимает почти половину этого срока. И здесь все упирается в безжизненные и перегруженные школьные программы. Наши «специалисты, — язвительно замечал Кривский, — способны составить такую программу, что ее и до 60 лет не пройдешь».

«Первым и совершенно лишним, — подчеркивал он, — является изучение мертвых латинского и греческого языков, забытых и на своей родине. Оно не только бесполезно, но и вредно. Для них жертвуют изучением родного языка и живых языков — французского, немецкого, английского, а знакомство с произведениями ума этих народов принесло бы в тысячу раз больше пользы, нежели древние языки».

Кривский вскрывал не только педагогическую и культурную несостоятельность массового насаждения древних языков, но и, главное — политически, — полицейскую подоплеку появления их в русской школе. «В 60-х годах, — говорил он, — **с целью отвлечь молодых людей от вольнодумства** ввели усиленное преподавание мертвых языков, чтобы наглухо забить их головы, **и достигли противоположных результатов**. Никогда более политического брожения в учащейся молодежи не было, как в то время» [Там же. Л. 161 об.].

Когда управляющий Министерством народного просвещения М.П. Боголепов попробовал вступить за древние языки и за избранную министерством задачу гимназий — готовить к университету, — он получил массированный отпор. Даже министр внутренних дел Д.С. Сипягин решительно поддержал «мысль, чтобы средняя школа давала законченное образование». «Высшее образование есть роскошь, — говорил он. — Но что касается до среднего,



то даже ради удержания дворянства на местах государство обязано организовать его таким образом, чтобы оно представляло законченное целое» [7. Л. 163 об.].

На повторное возражение М.П. Боголепова о том, что программе средней школы должны определять специалисты, резко отреагировал министр земледелия А.С. Ермолов: «Высказываться о результатах современного среднего образования, бесспорно, может всякий образованный человек. Результаты эти для всех нас очевидны, и вместе с тем нам известны требования, которые предъявляет к школам большинство русского общества. Поэтому мы можем сказать, что существующие школы неудовлетворительны... Мне кажется, что здесь не может быть двух мнений. **Реформы желательны потому, что современное положение неудовлетворительно**» [Там же. Л. 181 об. — 182].

А.С. Ермолова решительно поддержал военный министр А.Н. Куропаткин. «Такому властному собранию, — говорил он, — неужели нужны специалисты, чтобы касаться вопроса, составляющего, если можно так выразиться, **злобу дня в каждой русской семье**». Подчеркивая, что засилье древних языков только мешает образованию, мешает познанию своей родины, Куропаткин заявлял: «Я категорически высказываюсь за сокращение греческого и латинского языков в пользу русской истории, русской географии, русского языка. В этом вопросе русские родители, конечно, присоединятся ко мне» [Там же. Л. 170 об.].

На реплики М.П. Боголепова в пользу древних языков А.Н. Куропаткин отреагировал с генеральской прямоотой: «Это жизнь говорит, а не управляющий Военным министерством. Что можно ожидать от школы, если остается всего десять часов в неделю на математику, географию и прочие общеобразовательные предметы? С таким положением вещей можно было бы еще помириться, если бы наша молодежь действительно знала языки. Но на деле выходит совершенно противоположное. Латинский и греческий языки забываются тотчас по выходе из заведения, русского языка не знают, немецкий знают настолько, чтобы спросить в буфете *butter brot*, а из французского твердо помнят только слово *gardon*». «Я останавливаю внимание на этом вопросе, — заключил Куропаткин, — не для решения его, а для того, чтобы спросить: **существует ли у нас вообще общее образование?**» [Там же. Л. 180 об.].

Таков был коллективный приговор толстовско-катковскому классицизму, который вынесли дворянство и министерская элита конца 1890-х годов. В итоге в протоколе Совещания было записано: «Рассчитывая, что ведомство народного просвещения обратит надлежащее внимание на недостатки существующего строя средней школы, Совещание перешло к рассмотрению вопроса о ближайших потребностях собственно дворянского сословия в деле воспитания и образования» [Там же. Л. 182].

В конкретном выражении эти «ближайшие потребности» оказались весьма умеренными: удешевление образования; увеличение

числа учебных заведений, особенно сельскохозяйственных; введение сельскохозяйственных знаний в курс средней школы; создание дворянских и сословных пансионов и интернатов при учебных заведениях; увеличение числа дворянских стипендий в учебных заведениях и т.д. Высказывались также мнения о создании закрытых дворянских школ типа прежних дворянских институтов или лицеев, но они не получили поддержки у участников Совещания.

Такие же предложения были высказаны и относительно обучения дочерей дворян. Но здесь министр финансов С.Ю. Витте, до того заявлявший, что в помощи образованию дворян — «якорь спасения для дворянского сословия» [7. Л. 206 об., 222 об.], сразу очертил рамки обсуждения. По его словам, «в деле воспитания и образования девиц государство может и должно прийти на помощь лишь круглым сиротам». Витте мотивировал это ограничение установкой государства в деле женского образования. До настоящего времени, говорил он, «женские учебные заведения основываются преимущественно не на государственные, а на частные средства. В деле женского образования главную роль играет частная благотворительность... Когда возник вопрос об учреждении таковых учебных заведений, установлено было как основное положение, что расходы по их содержанию должны покрываться главным образом лицами, нуждающимися в этих заведениях» [Там же. Л. 206 об., 222 об.].

Засим Особому совещанию оставалось обсудить проблему военных учебных заведений. По вопросу их «одворянивания» состоялась довольно резкая полемика, главным образом между будущим министром внутренних дел. В.К. Плеве и военным министром А.Н. Куропаткиным, которого поддержали министр земледелия А.С. Ермолов и товарищ министра внутренних дел князь А.Д. Оболенский.

«Во времена императора Николая Павловича, — говорил Плеве, — корпус офицеров комплектовался преимущественно дворянами... Последующие порядки ухудшили положение, и в настоящее время мы видим в конкретных училищах 25% мещан и крестьян, которые этим путем при весьма низком образовательном цензе пробираются в офицеры. Это обстоятельство желательно было бы устранить. Следовало бы сделать так, чтобы лица, по среде, образованию и занятию принадлежащие к отбросам общества, не попадали в число офицеров» [Там же. Л. 195].

А.Н. Куропаткин резко возразил Плеве. «Я не могу допустить выражение “отбросы общества” в применении к крестьянскому сословию» [Там же], — возмущенно заявил он. После этого Куропаткин долго объяснял Плеве, что сословность военных учебных заведений — естественное следствие сословности армии. «Мы действительно нуждаемся в дворянском элементе и желали бы увеличить у себя процент дворян, — говорил он, — но вместе с тем у нас господствует принцип сословности, от которого, оче-



видно, отступать нельзя... без изменения закона. Это основной принцип военного ведомства, от которого оно не может отказаться... При бессловной армии не может быть сословного корпуса офицеров... Стараться улучшить состав армии несомненно надо, но не такими путями. И крестьяне, и мещане могут быть хорошими офицерами» [7. Л. 193 об., 194 об., 199 об., 200 об., 201 об.].

«Я также не хотел бы офицерскому званию присвоить сословный характер, — заявил А.С. Ермолов. — Прилив в военную службу недворян есть главным образом результат всеобщей воинской повинности, а это — факт, с которым нужно считаться» [Там же. Л. 191 об., 195 об.].

Еще шире взглянул на этот вопрос князь А.Д. Оболенский: «Я высказываюсь против всякой идеи сословности в армии. Оборона Государства не может подчиняться потребностям одного только дворянского сословия» [Там же. Л. 195 об.].

Наиболее важным А.Н. Куропаткин считал не сословный состав военных учебных заведений, а уровень образования, который они дают. Этот уровень, по его мнению, никак не должен быть ниже среднего, в чем состоит «одна из главных забот» Военного министерства. Между тем, говорил Куропаткин, «Государю императору угодно было 26 февраля (1899 г. — Э.Д.) произвести из капитанов в подполковники 134 человека, из числа их лишь 18 человек получили среднее образование, остальные окончили юнкерские училища. Я всеми средствами намерен противиться увеличению числа лиц без среднего образования среди наших штаб-офицеров» и поэтому буду пытаться «поднять юнкерские училища до уровня военных училищ и низшие училища до уровня кадетских корпусов» [Там же. Л. 203 об.].

В полемике Плеве и Куропаткина проявились, столкнулись два взгляда на подготовку офицерского корпуса: сословно-полицейский подход реакционной части правящих кругов и курс Военного министерства на повышение образовательного уровня офицеров, проложенный еще в 1870-х гг. создателем всесословной армии, талантливым военным министром, видным представителем либерального крыла в правительстве Д.А. Милютиным. «Конечно, я весьма сочувствую увеличению среди наших юнкеров и офицеров дворянского элемента, — говорил Куропаткин, — но грубо наложить руку на все то, что сделано моими предшественниками и что так близко связано с именем графа Д.А. Милютина, я не берусь и не могу этого сделать» [Там же. Л. 199].

Еще до завершения всех заседаний по 4-му пункту повестки дня — о воспитании дворянского юношества, — на основе материалов первых четырех заседаний был подготовлен и представлен на высочайшее рассмотрение «Журнал Высочайше утвержденного Особого совещания по делам дворянского сословия» в части, касавшейся данного пункта повестки дня.

В «Журнале» в крайне сглаженном виде и с традиционным бюрократическим элементом излагались все упомянутые выше вопросы и

разногласия по «учебно-воспитательной части в нашем отечестве» и указывалось, что «наиболее существенным ее недостатком является не вполне правильная постановка средних учебных заведений гражданского ведомства» [б. л. 3 об.]. Особенно подчеркивалось, что «существующая система классического образования не приносит тех благотворных результатов, которые от нее ожидалось при ее введении», это «вполне объясняет те справедливые нарекания на классическую систему образования, которые давно раздаются со всех концов нашего обширного отечества» [Там же. л. 7 — 7 об.].

Перечисляя не только критические замечания, но и конструктивные предложения, высказанные на заседаниях, авторы «Журнала» отмечали: «Нельзя не признать, что наряду с устройством пансионеров-приютов (для учащихся из дворян. — Э.Д.) следовало бы оказать содействие учреждению возможно большего числа дворянских стипендий как в средних, так и в различных высших учебных заведениях гражданского ведомства и что часть их справедливо принять за счет казны» [Там же. л. 17 об. — 18].

30 декабря 1898 г. председатель Особого совещания И.Н. Дурново направил «Журнал» Совещания в Государственный совет, сообщив, что «“Журнал” сей был представлен на благоусмотрение Государя Императора, и его Императорскому Величеству благоугодно было в 29 день сего декабря начертать на оном нижеследующую Высочайшую резолюцию: ?Рассмотреть в Государственном совете не в очередь?» [Там же. л. 1].

22 апреля 1899 г. Государственный совет рассмотрел этот «Журнал» и с некоторой корректурой принял его предложения. Вместе с тем соединенное присутствие Государственного совета (совместное заседание департаментов государственной экономики, законов и гражданских и духовных дел. — Э.Д.), «признавая весьма важными суждения Особого совещания для подробного обсуждения вопроса о необходимом преобразовании существующей системы народного образования», сочло необходимым, чтобы *Министерство народного просвещения, подготавливая реформу школьного дела, в должной мере воспользовалось упомянутыми суждениями Особого совещания*» [Там же. л. 18 — 18 об.].

Так был дан старт череде комиссий, которые — сначала при министре народного просвещения Н.П. Боголепове, а затем при П.С. Ванновском в 1898–1902 гг. — разрабатывали различные предложения о реформе общего среднего образования. Работа этих комиссий, не приведших ни к какому результату, отчасти освещалась в педагогической историографии. Но за рамками этой историографии, как всегда, остался политический импульс, политический контекст образовательных начинаний правительства, в частности и данных несостоявшихся реформ. Эти реформы в историко-педагогических трудах возникали как бы ниоткуда и рассматривались в безвоздушном пространстве, вне какой-либо связи с глубинными социально-политическими процессами россий-



ской жизни. Педагогика, образование и в этом случае остались «вещью в себе».

Но в реальной жизни все было иначе. Рассмотренное выше своеобразное всероссийское дворянское педагогическое собрание наглядно показало, что задуманные как продворянские реформы средней школы 1870-х гг. оказались антидворянскими. И антидворянским оказался антипедагогический и антинациональный толстовско-катковский классицизм. В результате чего само дворянство в конце 1890-х гг. стало активным инициатором коренной реорганизации всего строя средней школы.

1. Гиндин И.Ф., Гефтер М.Я. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880–1890-х годах // Исторические записки. 1957. № 4.
2. Гражданин. 1886. 15 декабря. № 94.
3. Дневник А.С. Суворина. М.; Пгр., 1923.
4. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 140.
5. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 166.
6. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 200. Журнал Особого совещания по делам дворянского сословия.
7. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 229. Протоколы Особого совещания по делам дворянства.
8. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 233. По вопросу о способах обеспечения потребностей дворянства в воспитании дворянского юношества.
9. РГИА, ф. 1283. Оп. 1. Д. 236.
10. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

Литература

А.И. Любжин

КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА: МНИМЫЙ ПРОВАЛ?

Комментарий к статье Э.Д. Днепров
«Кризис общего среднего образования
в конце XIX в.»

Для всякого, кто знакомился с историей русской школы рубежа XIX–XX вв., очевидно массовое общественное недоверие к ее укладу в целом и к господству в ее программах древних языков в частности. Это проявляется во всем: и в публицистике, и в мемуарных источниках, и в художественной прозе — всем памятен «Человек



в футляре» А.П. Чехова, а у М.П. Арцыбашева в менее известном рассказе «Паша Туманов» идет речь о том, как провалившийся на экзамене гимназист застрелил директора и латиниста. Но как только от общих соображений и тенденциозной публицистики мы переходим к конкретному анализу образовательной ткани, столь однозначной картины не получается. Во-первых, у нас достаточно свидетельств в противоположном духе — вспомнить хотя бы теплые «Страницы воспоминаний» С.Я. Маршака, посвященные латинисту Владимиру Ивановичу Теплых, и не менее теплые «Воспоминания» П.Н. Милюкова о его гимназическом эллинисте Петре Александровиче Каленове. Во-вторых, сам культурный факт Серебряного века — та эпоха, которую один из крупнейших русских поэтов И.Ф. Анненский (тоже чиновник ведомства Министерства народного просвещения) и блестящий филолог Ф.Ф. Зелинский (непримиримый враг концепта облегченной и расслабляющей школы) считали зарей нового, славянского, Возрождения, — немыслим без классической гимназии в качестве питательной почвы. В-третьих, как отнестись к тому, что женская гимназия Софьи Николаевны Фишер, самая престижная и знаменитая, чьи воспитанницы принимались в университеты Германии без экзаменов, была единственной в России женской гимназией классического типа? А ведь С.Н. Фишер была поклонницей реакционных идей М.Н. Каткова и даже вместе с Львом Ивановичем Поливановым (также исключительная по своему масштабу звезда русской педагогики!) переиздала его передовицы под заглавием «Наша школьная реформа» (1890 г.).

Есть и другая сторона. Если в своем недовольстве критики классической модели единодушны, то в контрпредложениях согласованность отсутствует. В.В. Розанов о школе своего времени с уровнем вариативности, о котором мы можем только мечтать, писал так: «Выучить, чтобы куриный цыпленок научился плавать, а утенок — хорошо бегать по земле, чтобы барашек начал мяукать, а кошка — давать хорошую шерсть, — в этом заключаются все усилия русских училищ, гимназий, университетов и даже наших несчастных родителей, несчастной русской семьи. Никакого нет рассмотрения и простого даже внимания к предварительным способностям... Школы должны быть не “реальные” и “классические”, а их должно быть тысяча типов, удлинений, характеров, оттенков, характеристик»¹. Но нередки и требования «единой» школы, которую предлагалось русифицировать (люди с космополитическими взглядами в видах разгрома классической модели охотно прибегали к рассуждениям о «национальной» школе, о недостаточном знакомстве с родным языком, словесностью, историей и т.п.). Недобросовестно и тенденциозно было сведение причин школьных недостатков к засилью древних языков: если бы это было так, реальные училища выгодно выделялись бы на фоне классических

¹ Розанов В.В. Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 14.



гимназий, чего вовсе не было; если же вспомнить о страшной переполненности классов, доходивших в гимназиях до 50 человек, следует удивляться скорее не тому, что был высок процент «неудачников», а тому, что в этих условиях образовательная система не потеряла управляемости и возможностей функционирования. И создала такой образовательно-культурный задел, которого хватило на несколько десятилетий советского паразитизма. В суждениях представителей дворянского сословия, приведенных в статье Э.Д. Днепровца, нет оригинальной аргументации; все эти обвинения в адрес классической гимназии и древних языков выдвигались многократно, и на все эти обвинения есть достойные ответы.

...Александр Николаевич Шварц, филолог-классик европейского уровня и министр просвещения в кабинете П.А. Столыпина, писал 30 августа 1908 г. своему ученику Сергею Ивановичу Соболевскому, столпу и оплоту русской филологии в эпоху лихолетья: «Упорядочить учебные заведения все равно мне не дадут: русские все готовы вынести, кроме ученья...»¹[1]. Пройдя все ступени образовательного ведомства от скромного преподавателя иностранных языков до его главы, он, конечно же, полностью отвечал за свои слова.

Слишком многие родители отдавали детей в гимназии, желая обеспечить им беспечальное чиновничье будущее и не заботясь об их способностях; мог ли им понравиться гимназический курс, в число задач которого как раз и входило отсечь детей, неспособных усвоить сложную программу, от университетского образования и связанных с ним привилегий? Да и механизмы формирования «общественного мнения» были уже отработаны и действовали безотказно: когда Шварц был попечителем Московского учебного округа (осень революционного 1905 г.), оппозиционная пресса печатала возмущенные письма родителей по поводу его попыток нормализовать школьную жизнь и вернуть детей за парты; не менее многочисленные письма в поддержку попечителя тиснению не предавались².

И не совершим ли мы двойную ошибку в нашей оценке эффективности классической модели — сначала однобоко восприняв общественное мнение эпохи, а потом безоглядно доверившись лишь одному из его направлений — как раз тому, которое всего легче, не требует глубины анализа и не связано никакой ответственностью?

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 310, ед. хр. 9 (письма А.Н. Шварца С.И. Соболевскому). Л. 462.

² Соболевский С.И. Александр Николаевич Шварц // Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 246.